

Т. А. Бернштам

ЛЕДОКОЛЬНАЯ ЗВЕРОБОЙНАЯ АРТЕЛЬ ПОМОРОВ ЗИМНЕГО БЕРЕГА¹ БЕЛОГО МОРЯ

Приморское промысловое хозяйство с давних времен являлось основой экономики поморских районов русского Севера.

Ведущей отраслью промыслового хозяйства Зимнего берега Белого моря со второй половины XIX в. стал морской тюлений промысел. Он складывался из нескольких промысловых «путей», которым соответствовали определенные типы и формы артелей. Для промысла тюленей во время их массовых залежек на льдах лодочные артели («картели-лодки») поморов Зимнего берега и жителей Мезенского уезда объединялись в большую промысловую артель — «бурсу», насчитывавшую иногда до 500 человек. Основную рабочую силу на зверобойном промысле как в отдельных артелях лодках, так и в бурсе составляли «покрутки»², полностью зависевшие от хозяев-судовладельцев (последние были главным образом из с. Койда).

В начале XX в. зверобойный промысел на Зимнем берегу находился в состоянии упадка. Кроме единственного случая применения на промысле парового судна в 1903 г.³, никаких других попыток технического оснащения лова не предпринималось.

Ледоколы для промысла морского зверя в Белом море стали использовать после Великой Октябрьской социалистической революции. В 1918 г. в первых ледокольных экспедициях участвовали жители сел Зимнего берега — Зимняя Золотица, Койда, Ручьи. Несмотря на трудности технического и организационного характера, промысел зверя на ледоколах оказался выгодным и поэтому получил дальнейшее развитие. Одновременно с ледокольным долгое время продолжал существовать и лодочный береговой промысел.

Задача настоящей статьи — проследить эволюцию традиционной промысловой артели в связи с развитием ледокольного промысла.

В истории ледокольной зверобойной артели 1920—1940-х гг. можно выделить три периода: 1918—1926 гг.; 1926—1930 гг.; 1930—начало 1940-х гг.

Первый период характеризовался взаимодействием противоречивых явлений в общественной жизни Поморья, типичных для времени нэпа. Попытки создания артелей нового типа сталкивались со стремлением кулаков утвердить на ледокольном промысле традиционную покрутку. За «пользование» ледоколами, которые арендовали крупнейшие кулаки, зверобой должны были отдавать им определенный процент с промысла. Все необходимые продукты, одежду и орудия промысла зверобой приобретали на свои средства. Поэтому ледокольная артель состояла из кулацко-средняцких элементов и нанятых и снаряженных ими покрутчиков.

Она по существу представляла собой старую бурсу, но сильно уменьшенную: пятнадцать-двадцать маленьких артелей-«лодок» по 7 человек или в общей сложности от 100 до 150 человек. Структура такой ледокольной бурсы и внутреннее управление в ней строились по традиции. Во главе стоял «юровщик», выбиравшийся хозяевами-судовладельцами из своей среды. Обычно это был опытный и бывалый промышленник, хорошо «понимавший море» и пользовавшийся авторитетом среди зверобоев. Юровщику помогали «промысловые старосты», возглавлявшие «партии» лодок от одного села. Руководителем каждой промысловой артели-«лодки» были хозяин лодки (или заменяющий его,

¹ «Зимним берегом» называют северо-восточную часть побережья Белого моря. Это название сложилось исторически, как определение территориально-хозяйственной области поморов (наряду с Терским, Кемским, Летним берегами).

² Покрут — найм из доли будущего улова.

³ Н. С м и р н о в, О морском зверином промысле на русских судах, СПб., 1903.

также называвшийся «хозяином»), на которого возлагались обязанности кормщика и «гарпунера» (стрелка). Вся бурса делилась на гарпунеров и «чернову» — стрелков и подсобных рабочих. По прибытии ледокола гарпунеры сходили на лед первыми, подкрадывались к залежке зверя с нескольких сторон и стреляли с колена, убивая сначала тюленей, лежащих с края, чтобы создать барьер между остальным стадом и водой. Меткость должна была быть стопроцентной, так как раненые звери криками могли переполошить все стадо. Затем на лед сходила чернова («пошла чернова собирать зверя!»): одни обрабатывали зверя, т. е. снимали кожу с салом, другие свертывали ее в «юрки» — особого рода связки шкур, вложенных одна в другую, третьи тащили юрки к ледоколу и поднимали на борт. Каждая промысловая «лодка» работала на своего хозяина, поэтому ставила на коже с салом особое клеймо.

Распределение добычи происходило по паям. Условия и «доли» покрутчиков в разных артелях не были равноценными, так как каждый хозяин сам договаривался с артелью.

Взаимоотношения между отдельными лодочными артелями были, как правило, недоброжелательными, часто просто враждебными. Хозяева смаивали покрутчиков друг у друга более высокими задатками, оспаривали число убитых ими зверей, заходили «под ветер» другим стрелкам (т. е. с подветренной стороны, откуда зверь чувствует человека) и т. д. При расчете хозяева спаивали покрутчиков, вычитая затем из их доли плату за выпитое, произвольно занижали цены на убитого зверя, меняли условия договора и т. п. Поэтому покрут, превращавший зверобой в батрака, был бичом зверобойной промысла, тормозившим его развитие даже при наличии ледоколов.

С 1926 г. на Зимнем берегу стали возникать промысловые кооперативные товарищества, руководствовавшиеся в своей деятельности интересами большинства населения. Начался второй этап в развитии ледокольной артели. Значительную роль сыграло промысловое товарищество «Гарпунер», объединявшее жителей с. Койда, деревень Майда, Нижа и выселка Ануфриевского. Это товарищество формировало ледокольную артель только из числа своих членов. Первое время такая артель тоже напоминала старую бурсу: не произошло еще коренных изменений в ее внутренней организации, не было слияния судовой команды и артели, в артель допускались кулаки.

По прибытии на ледокол снаряженной «Гарпунером» артели капитан размещал промышленников (так назывались работавшие на промысле) на судне в зависимости от их квалификации. Товарищество на ледоколе представлял его уполномоченный, который считался помощником капитана по промысловой части и непосредственно руководил работой артели на промысле. Как уполномоченный, так и его заместитель назначались правлением товарищества и не могли быть смещены во время промысла. Судовая команда находилась на службе Советского торгового флота. Постепенно отдельные должности в судовой команде стали переходить к членам зверобойной артели, а с 1928 г. при заключении договоров правление товарищества уже получало указания Управления Советского торгового флота «о числе лиц, необходимых для исполнения обязанностей ледокольной команды»⁴.

В 1926—1927 гг. на судне не было поваров и пекарей; продовольствие для промышленников заготовлялось заранее и стоимость его вычиталась из их заработка. Все полученные продукты расходовались сообща. Артель выбирала четырех человек (повара, пекаря и двух их помощников), которые должны были готовить пищу и печь хлеб. Продукты закупал «артельщик»; он же отпускал продовольствие промышленникам, а после выбора повара и пекаря — провизию и муку на кухню. Артельщик получал от товарищества также промысловое снаряжение — белые маскировочные рубахи, так называемые стрельные, для гарпунеров, патроны, ружья, ножи. По окончании промысла артельщик собирал у промышленников снаряжение и оставшиеся припасы для сдачи в Мурманск или Архангельск⁵.

В 1928 г. правление товарищества «Гарпунер» приняло решение о вербовке промышленников на ледокол только из бедняков и середняков, для которых зверобойный промысел был основным и единственным занятием. Те, кто подрабатывал охотой, или вырубкой и сплавом леса, а также малосемейные жители «при крепких работниках дома» зачислялись в ледокольную артель во вторую очередь⁶. Единоличников на ледокол не принимали. Если не набиралась артель полностью, то капитан судна имел право нанять приезжих из других районов Архангельской области или из центральных областей⁷. Некоторым промышленникам пришлось из-за этого уехать из села, других же это побуждало к вступлению в кооператив.

Из всех сел Зимнего берега только с. Койда могло полностью представить на ледокол необходимую для промысла зверобойную артель, состоявшую из бедняков и се-

⁴ Архив колхоза «Освобождение» с. Койда Мезенского р-на Архангельской обл., связка (далее св.), № 28—29.

⁵ Полевые материалы автора, 1964 г., с. Койда, информатор А. Е. Малыгин, 75 лет. Восточнославянский сектор Ленингр. отд. Ин-та этнографии.

⁶ Архив колхоза «Освобождение», св. № 447, лл. 3—4.

⁷ Полевые материалы автора, 1963 г., с. Койда, информатор В. Ф. Малыгин, 73 г.

редняков. В 1928 г. майденский кооператив «Волна», входивший в товарищество «Гарпунер», отправил вместе с койденскими промышленниками на ледокол 34 человека, среди которых было 24 середняка и 10 бедняков.

Ледокольная артель по-прежнему состояла из гарпунеров и черновы: на 100—140 человек артельщиков полагалось 20—25 гарпунеров. Гарпунеры теперь назначались не хозяевами, а общим собранием промышленников-ледокольцев; в основном это были пожилые зверобой и наиболее опытные стрелки из молодых. Считалось, что молодому стрелку нельзя начинать свою промысловую деятельность с высокого пая⁸. Гарпунеры пользовались некоторыми привилегиями по сравнению с черновой. Они получали больший пай (1,5 или 1,25) по предварительной договоренности, им отводилось на ледоколе более удобное помещение.

В конце 1920-х гг. четкого распределения обязанностей среди черновы не было. Никто из промышленников заранее не знал, что он будет делать на льду. Распределением работ на залежке руководил уполномоченный артели. При разделе зверя требовались особый опыт и сноровка, но подавляющее большинство промышленников обладало ими, поэтому выбор всегда был большой.

При оплате труда промышленников ледокольной артели Управление Советского торгового флота использовало традиционную паевую систему. Капитан судна и старший механик получали зарплату и определенный процент с промысла, уполномоченный артели — 1,5 пая, артельщик — 1,25 пая, гарпунеры, как мы уже говорили, 1,5—1,25 пая. В чернове каждый имел один пай. Новички получали неполный пай и старались работать усердно, опасаясь, что на будущий год их не возьмут в море. Если новичок работал хорошо, ему тут же добавляли 0,1 пая⁹. Половина заработка выдавалась деньгами, половина — ржаной мукой, причем удерживались все выданные промышленникам авансы и стоимость продуктов¹⁰.

Таким образом, ледокольная артель 1926—1930 гг. заметно отличалась от старой бурсы, но в то же время все еще сохраняла многие традиционные элементы. Уничтожение покрутчины, изгнание из артели кулаков, новый способ распределения дохода — уравнилительный для всего состава черновы — все это подготовило почву для создания ледокольной артели нового типа.

Коллективизация, начавшаяся с 1930 г., вызвала коренные изменения зверобойной ледокольной артели, приведшие к утверждению социалистических производственных отношений. В этом процессе Зимнебережный колхоз «Освобождение», объединяющий жителей с. Койда, д. Майда, выселка Ануфриевского, сыграл в значительной степени роль инициатора. Ледокольный промысел давал верный заработок, твердый аванс зверобую и его семье, он считался самым выгодным, и поэтому попасть на него стремились почти все колхозники. В связи с этим правление колхоза «Освобождение» решило посылать на ледокол наиболее дисциплинированных и хорошо работающих поморов.

Колхоз «Освобождение», так же как раньше товарищество «Гарпунер», выставлял, как правило, на ледокольный промысел полную артель. Лишь несколько раз в 1930—1940 гг. артель «койдян» (большинство в ней составляли жители с. Койды) пополнялась жителями других зимнебережных мест — золотчанами, ручьевцами и долгощельцами¹¹.

В 1932 г. название «артель» было заменено новым — «бригада зверобоев ледокольного лова». По внутреннему устройству бригада 1930-х гг. существенно отличалась от артели 1920-х гг. Бригада делилась теперь на зверобойную команду и обслуживающий персонал¹². Все находящиеся на судне составляли единый производственный коллектив, обслуживающий персонал в случае необходимости мог быть занят на любом промысловом участке.

Бригадир начинало правление колхоза, он был на ледоколе его представителем. Бригадир являлся помощником капитана судна по промысловой части, распоряжения его для всех промышленников были обязательны. Сам он обычно подбирался из числа наиболее сознательных, дисциплинированных, политически грамотных колхозников (в его обязанности входила и организация досуга членов бригады). Во время промысла бригадир не сходил на лед, он командовал с мостика и руководил погрузкой кож на борт судна.

Бригадиру помогали бочечники; они следили за направлением судна к залежкам зверей и ходом боя: кому из гарпунеров не хватало патронов, где ставились «маха-вики» (опознавательные знаки) у куч зверей, которые надо грузить на судно и т. д. Они

⁸ Полевые материалы автора, 1964 г., с. Койда, информатор В. Ф. Малыгин.

⁹ Там же, информатор А. Е. Малыгин.

¹⁰ А. Ф. Ростиславин, Промыслы Мезенского побережья, Архангельск, 1926, стр. 129.

¹¹ Архив колхоза «Освобождение», св. 69, л. 297.

¹² Там же, св. 87, л. 53.

наблюдали за состоянием льдов в море, так как сжатие или разводье определяли места расположения залежки зверя. Особенно славились в 1930-е гг. бочечники — бывшие юрловики бурс — жители с. Койда П. Е. Матвеев и И. С. Малыгин.

В ледокольной бригаде 1930-х гг. шло постепенное углубление специализации, определялась квалификация каждого зверобоя.

Разбивка промышленников на гарпунеров и рядовых проходила на общем собрании зверобоев-колхозников — участников ледокольного и берегового лодочного промыслов. Председатель собрания зачитывал заранее составленный предварительный список бригады и каждый из присутствующих мог высказаться о той или иной кандидатуре, причем новички не должны были составлять более 10% общей численности. Для отвода требовались достаточно уважительные причины: слабое здоровье, необходимость остаться с семьей и т. п. Перевод зверобоя из одного разряда в другой проводился в ходе промысла бригадиром с утверждения общего собрания ледокольников. На общем собрании колхозников обсуждалось также число звеньев в бригаде и расстановка их на промысле. Вместе с тем бригадир мог изменить решение собрания, сообразуясь с реальной обстановкой промысла, которую трудно было предусмотреть заранее.

В бригаде обычно было 8—9 звеньев. Звено состояло из семи человек, составлявших одну промысловую лодку, необходимую для проведения всех операций по лову и обработке зверя¹³. Звеньевой был одновременно руководителем одной из лодок и отвечал за работу и безопасность вверенных ему людей. Старая терминология держалась долго, и звеньевой продолжали называть «хозяином». На льду звеньевой обязан был следить за уборкой и складыванием кож в кучи, вести ежедневный учет работы своего звена, не допускать приближения «съемщиков» и «подтаскивальщиков» к гарпунерам, пока на льду еще есть живые тюлени, а также перехватывания звеньями друг у друга тюленей. По окончании промысла звеньевые отчитывались перед зверобоями и капитаном.

Для обучения новичков объединялось два звена, из которых одно было укомплектовано опытными зверобоями.

Обслуживающий персонал находился в ведении бригадира и по его распоряжению мог в случае надобности использоваться на промысле. Обычной же обязанностью обслуживающего персонала было приготовление для зверобоев пищи, уборка помещений на судне и в городах, где бригада ожидала ледокол — в Мурманске, Архангельске.

Промысел зверя происходил в относительно ограниченном районе Белого моря, и нередко несколько ледоколов подходили к одной залежке. Это вызвало к жизни «правила совместного промысла» на одной залежке, в которых отчетливо отразилось новое отношение зверобоев к товарищам из других бригад.

Эти правила предусматривали и интересы берегового промысла зверя. Капитаны ледоколов должны были принимать все меры предосторожности во время подхода к местам берегового лова. Ледокольная бригада также работала очень осторожно, если ее залежка оказывалась недалеко от залежки «лодочников».

На основе сложившихся естественным путем «правил совместного промысла» были выработаны затем официальные «правила спаренного промысла». Спаренный промысел на одной залежке (обычно двух ледоколов) производился по предварительной договоренности участников обоих ледоколов. Добыча «обезличивалась» и делилась поровну; для позвеневого же учета на кучах кож каждого звена ставились флаги, имевшие разный цвет и цифровой номер дробью, в котором числитель означал порядковый номер флага судна, а знаменатель — номер звена, например: 21/11, здесь 21 — флаг судна, 11 — звено¹⁴.

Новые товарищеские взаимоотношения промышленников послужили основой для создания так называемых «смешанных зверобойных бригад», в состав которых входили жители разных сел Зимнего берега.

Функции ледокольной бригады постепенно усложнялись и в конце концов вышли далеко за пределы производства. Для повышения квалификации зверобоев на соревнующихся ледоколах организовывались кружки: общеобразовательные, политические, судоводительные, по изучению промысла морского зверя и т. д. После окончания промыслового сезона бригадир отчитывался перед колхозниками-ледокольцами. Подобные собрания проходили очень оживленно, зверобой горячо обсуждали причины успеха или неудачи своей бригады или бригады другого ледокола.

Новая производственная организация на зверобойном промысле, вследствие которой капитан и члены судовой команды стали прямыми участниками промысла, создала и новый тип капитана промыслового судна, действительного руководителя промысла, заинтересованного в его успехе. В конце 1920-х и в самом начале 1930-х гг. капитан

¹³ Ледокол не всегда мог вплотную подойти к залежке, поэтому нужны были промысловые лодки для переезда по разводьям и вывочки зверя к судну.

¹⁴ Архив колхоза «Освобождение», св. 145, л. 175.

лишь вел ледокол, а направление судна, места расположения залежек, подход к ним обычно определяли бочечники. Промысловое руководство осуществляли полностью и его помощник, хозяйством на ледоколе ведал артельщик и т. д. Теперь же капитан вникал во все дела бригады.

В 1932 г. ледокольная бригада колхоза «Освобождение» промышляла на ледоколе «Седов», капитаном которого был В. И. Воронин. Бочечником был П. Е. Матвеев, старый, опытный зверобой, ходивший еще при старом «бурсачном» промысле юровщиком. П. Е. Матвеев работал до этого со многими капитанами, часто совершенно не интересовавшимися промыслом, и привык чувствовать себя полноправным хозяином на ледоколе. В. И. Воронин вначале встречал в штыки указания старого бочечника («Я хозяин на судне, мне не указывать»), но вскоре их совместная работа наладилась, и впоследствии В. И. Воронин называл койдян своими учителями.

На ледокольном промысле этих лет впервые стали культивировать уважительное отношение к любому члену зверобойной бригады, заботу о максимальном использовании его способностей, отдыхе и быте.

Ледокольный промысел стал играть не только значительную роль в экономической жизни Зимнего берега, но и в развитии социалистических форм труда. Уже в 1929 г. койденская ледокольная артель заняла первое место по добыче тюленей среди других артелей Зимнего берега, и с тех пор в течение всего последующего десятилетия ни разу не уступила его другой бригаде. С 1932 г. на ледокольном промысле стало развиваться социалистическое соревнование. На ледоколах устраивались собрания, на которых одни «лодки» вызывали на соревнование другие, стрелки вызывали стрелков. В 1934 г. каждого промышленника, «объявившего себя ударником» (т. е. взявшего социалистические обязательства), обсуждали на собрании и общим голосованием решали сможет он быть ударником или нет. Ударничество нанесло окончательное поражение идеологии старой бурсы.

В оплате труда колхозников-зверобоев на ледоколе тоже произошли значительные изменения. До 1936 г. продолжала существовать традиционная паевая система. С 1936 г. на ледокольном промысле вводится гарантийная ставка всем членам зверобойной бригады и обслуживающего персонала¹⁵. Если вследствие неудачного промысла по причинам, не зависящим от бригады, месячный заработок зверобоя составлял менее $\frac{2}{3}$ твердого оклада, Управление Северного морского пути производило доплату до $\frac{2}{3}$ ¹⁶. Таким образом, если раньше зверобой, уходя на промысел, никогда не знал, с чем он вернется, то теперь гарантийной ставкой он был застрахован от любых случайностей. Зверобойный промысел стал прочной основой хозяйства Поморья и доверие колхозников к нему значительно возросло.

За время промысла и нахождения в море с момента посадки на судно до разгрузки его после возвращения в порт зверобой сверх гарантийной ставки получали «столовые» в размере 125 рублей в месяц. При окончательном расчете зверобоя выдавали компенсацию за неиспользованный отпуск из расчета среднего дневного заработка за каждый проработанный месяц.

В месячную норму, кроме муки, круп, мяса, рыбы и масла, входили свежие овощи, сухофрукты, различные пряности и кондитерские изделия. О таком пайке не могли даже и мечтать промышленники старой бурсы, которым нередко в течение двух месяцев приходилось питаться соленой рыбой и пшеничным супом. Колхоз заботился о семьях ушедших на промысел зверобоев, выдавал нуждающимся авансы, продукты, извещал промышленников телеграммами обо всех событиях на берегу. Зверобойная, бригада и обслуживающий персонал помимо пайка получали спецодежду. Спецодежда выдавалась бесплатно, однако зверобой обязан был обращаться с ней бережно и возвращать ее по окончании промысла. У гарпунеров имелись белые стрельные рубахи, парусиновые брюки; бригадир, помощник бригадира, оба бочечника, артельщик и его помощник получали полушубок и валенки. Все зверобой пользовались ватными фуфайками, парусиновыми брюками и рукавицами. Зверобоям полагалось также постельное белье на все время промысла. Так как все промысловые орудия поставляла организация, снаряжавшая ледоколы на промысел, зверобоям компенсировали амортизацию собственных съемочных ножей, которыми они отделяли мясо зверя от кожи с салом.

Выделенные для ледокольного промысла зверобой должны были быть физически здоровыми; люди с плохим зрением или слухом, грыжей и другими болезнями на ледокол не допускались, даже если они всю жизнь до этого промышляли зверя. Их старались использовать на других участках колхозной работы. Все ледокольцы подвергались обязательному медицинскому осмотру в селе и находились под наблюдением фельдшера на ледоколе. Лечение было бесплатным. Зверобой стали уделять внима-

¹⁵ Архив колхоза «Освобождение», св. 87, л. 53.

¹⁶ Полевые материалы автора, 1963 г., с. Койда, информатор В. Ф. Малютин. С 1934 г. колхоз «Освобождение» арендовал ледоколы у Управления Северного морского пути.

ние санитарному состоянию своих помещений, старались содержать их в чистоте. В дореволюционное время женщины-поморки не участвовали ни в одном из видов зверобойного промысла в открытом море. Зато они составляли основную рабочую силу в «семейном» лове тюленя, когда зверя веграми приносило на льдах к берегу, а также на озерном и речном рыбном лове; подменяли мужчин в «сидении на тонии» во время семуужей путины.

В 1935 г. в ледокольном промысле впервые приняли участие женщины: на ледоколе «Малыгин» помощником повара работала Е. Ф. Малыгина, помощником пекаря — И. А. Котцова, уборщицей — А. И. Титова. С тех пор женщины стали включаться в состав обслуживающего персонала ледокола, но до войны ни одна из них не участвовала в самом промысле. В годы Великой Отечественной войны женщины и подростки заменили ушедших на фронт мужчин. Некоторые из них не уступали мужчинам по выносливости, быстроте и качеству работы. Так, Л. С. Попова была зверобоем ледокольного промысла 9 лет. В основном же женщины использовались на подсобных работах: «белье стирали, уголь таскали, соль носили, раушки (мясо тюленя.— Т. Б.) разносили», — вспоминает участница ледокольного промысла А. П. Малыгина.

Параллельно с перестройкой структуры артели-бригады, взаимоотношений ее членов, расширением функций бригады (профессиональная подготовка, обеспечение семей на берегу, забота о безопасности и здоровье зверобоев) произошли заметные изменения и в производственном быту зверобоев.

Ледокольный зверобойный промысел сыграл значительную роль и в формировании социалистических производственных отношений у поморов. Колхозы стремились к тому, чтобы наибольшее число их членов участвовало в какой-либо ледокольной кампании, считая, что это втягивает поморов в атмосферу коллектива, работающего на новой, социалистической основе и на базе передовой высокой техники.
